

Труфанов С.Н.

О НАУЧНОЙ ФОРМЕ ФИЛОСОФИИ

Опубликована в Сборнике: Научные труды института духовной культуры и свободного творчества. Выпуск первый. / Под редакцией С.В. Чернова. Воронеж – Москва: АНО "Институт духовной культуры и свободного творчества", 2011. (376 с.) С. 76-98.

К 240-летию со дня рождения Г.В.Ф. Гегеля (1770-1831)

Способна ли философия стать наукой? Впервые этот вопрос был поставлен ещё в эпоху Просвещения, но ясного ответа на него нет до сих пор. Нет чёткого понимания того, что такое философия, чем она отличается от других наук, и какова должна быть её собственная научная форма? В рамках вузовского образования такая неопределённость оборачивается тем, что студенты зачастую не понимают ни смысла философии, ни целей её изучения. Данная ситуация не может продолжаться до бесконечности. Чтобы сохранить свой предмет философам рано или поздно придётся дать ответ на эти вопросы.

В настоящей статье предлагается один из возможных вариантов преобразования философии в науку.

1. Чтобы стать наукой, философия должна быть независимой

Только в самом начале своего пути, в период Античности, философия была предоставлена самой себе и развивалась в условиях неограниченной младенческой свободы. Однако уже в середине первого тысячелетия н.э. ей пришлось проститься с прежней вольностью и перейти на положение ученицы и, одновременно, прислужницы богословия. Погрузившись в библейские тексты, она осваивала монотеистическую картину мира и училась мыслить его с точки зрения всеобщности его творения. В этом качестве она пребывала на протяжении всего Средневековья.

В период Нового времени философия потихоньку стала отходить от библейской картины мироздания. Её базой вновь становились данные конкретных наук. Однако все свои свежие идеи она продолжала выражать преимущественно богословским языком. И только наступивший век Просвещения позволил философии перейти с религиозного языка на светский. Начиная со второй половины XVIII столетия философы получили возможность не только строить свои рассуждения вне зависимости от библейской картины мира, но и выражать их соответствующим научным языком.

Обрётённая философской мыслью свобода творчества не означала, однако, что она становилась свободной и по отношению к современному ей обществу. В пределах своей головы философы могли рассуждать о чём угодно и приходить к каким угодно выводам, но делать свои мысли достоянием масс, им приходилось с величайшей осторожностью. Большинство тех истин, которые открывались им, были ещё неприемлемыми для того общества, в котором они жили. Если бы их смысл стал доступен современникам, то сами философы подверглись бы жесточайшим преследованиям как со стороны церкви, так и со стороны государства. (Наиболее болезненно эта ситуация отразилось на творчестве представителей немецкой классической философии: Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля.)

Только революции середины XIX века позволили философии существенным образом раскрепостить свой язык. Но они же принесли ей новую беду – заставили служить революционным идеологиям. Начавшийся в Европе процесс перехода народов со ступени неравноправного феодального строя на ступень равноправного демократического правового строя растянулся более чем на полтора столетия. На протяжении всего этого периода философия вновь вынуждена была забыть о своих интересах и обслуживать чужие. Причём таких идеологий появлялось много. Они активно соперничали друг с другом. Философии приходилось подстраиваться под каждую из них, угождая

совершенно разным, порой противоположным идеологическим учениям, в том числе и таким, которые провоцировали развязывание мировых войн.

Своего пика мировой революционный процесс достиг в 60-70-х годах XX столетия. Лишь тогда была преодолена критическая точка преобразований на планете – большинство народов создали основы нового демократического правового строя. Начавшаяся в 70-х годах минувшего века сначала в Китае, а затем в СССР и в других социалистических странах «перестройка», плавно перешедшая в комплексные демократические преобразования, привела к завершению эпохи холодной войны и мирового идеологического противостояния. Когда цель достигнута, тогда средство её достижения уходит в прошлое. К началу XXI века ушли в прошлое и терзавшие философию на протяжении последних столетий революционные идеологии.

Впервые за полтора тысячелетия философия наконец-то осталась наедине с собою и вздохнула свободно. Она перестала быть чьей-то прислугой и обрела возможность заняться наведением порядка в своём собственном хозяйстве. Теперь ей предстоит в кратчайшие сроки, по сути, заново воссоздать себя в качестве самостоятельной и востребованной обществом науки. Для этого ей требуется объяснить всем: зачем она нужна, чем она отличается от других наук, что нового и необходимого она может дать людям?

2. Цель философии, или зачем она нужна?

Все добываемые человечеством знания о природе и о самом себе изначально пребывают в форме простого скопления множества рядоположенных фактов и сведений. Но поскольку сам мир представляет собой нечто целое, то, следовательно, все разрозненные знания о нём должны быть сведены в одну общую картину, показывающую его как единое целое. Спонтанно, сама собой, такая целостная картина мира в сознании человека не возникает. Для её создания требуется целенаправленная деятельность нашего интеллекта. Вот эту работу по созданию единой картины мира, показывающей его как целое, призвана выполнять философия. С этой целью она родилась на свет ещё задолго до появления всех других наук, и никто эту цель не отменял.

Но не она одна действует на этом направлении. Эту же цель преследуют искусство и религия.

3. Отличие философии от искусства и религии

Различие трёх данных форм выражения знаний о мире – искусства, религии и философии – обусловлено тремя ступенями деятельности интеллекта человека.

Интеллект – это внутренняя мастерская нашего духа. Его задача состоит в том, чтобы: а) производить знания о мире, б) хранить их, в) преобразовывать их в различные планы и проекты по переустройству внешнего мира.

Процесс производства знаний (процесс познания) включает в себя три ступени деятельности интеллекта:

- созерцания,
- представления,
- мышления.

На первой ступени – **созерцания** – мы только чувственно воспринимаем интересующие нас предметы: видим их, слышим, осязаем, обоняем, пробуем на вкус. На второй ступени из воспринятых ощущений в нашем внутреннем **представлении** формируются образы предметов. Далее мы обозначаем данные образы словами. Слово, закреплённое за образом предмета, становится его именем. (Сами слова не имеют имён, поскольку каждое из них – само имя.) С помощью слов-имён наш интеллект восходит на третью ступень своей деятельности – **мышления**. Мышление происходит только

посредством слов. Связывая слова между собой, мы создаём мысли. Слова составляют ткань мысли, а человеческий язык в целом является телом мышления. На ступени мышления мы постигаем понятия предметов.

В соответствии с данными ступенями деятельности интеллекта существуют три формы выражения людьми своих знаний о мире. На первой ступени – созерцания – знания принимают форму произведений *искусства*. За счёт обработки какого-либо внешнего материала художник создаёт чувственно воспринимаемое творение, в образ которого вкладывает своё идеальное понимание мира.

На второй ступени – представления – выражением знаний о мире занимается *религия*. Она выстраивает все находящиеся в нашем представлении образы предметов в единую картину мироздания. Эта картина может быть сколь угодно произвольной и эклектичной, но главным является единство, создаваемое ею.

На третьей ступени – мышления – выражением накопленных знаний занимается *философия*. Она работает напрямую с понятиями предметов, из которых выстраивает единую научную картину мира.

В создании трёх этих форм принимают участие все ступени деятельности интеллекта, однако определяющей для каждой из них является только одна. В искусстве – внешне *созерцаемый* предмет. В религии – внутренне *представляемая* образная картина мира. В философии – отстраиваемое *мышлением* понятие мира. Например, тот факт, что при создании религиозной картины мироздания активное участие принимало мышление, ещё не означает, что эта картина уже положена собственно как мысль в её строгом развитии.

4. Отличие философии от конкретных наук

Прежде чем говорить об их отличии, мы должны разделить все конкретные науки на две группы: а) фундаментальные и б) прикладные. *Фундаментальные* науки нацелены на изучение мира – такого, каков он сам по себе. *Прикладные* науки имеют своей целью практическое применение материалов и явлений природы для нужд человечества. Для философии интерес представляют главным образом фундаментальные науки.

Так вот, между философией и конкретными (фундаментальными) науками существует два принципиальных отличия.

Первое. Конкретные науки изучают мир по частям (отсюда и другое их название – «частные»). Каждая такая наука находит какую-то отдельную область мира и исследует её. Философия выполняет по отношению к ним противоположную функцию. Она стремится показать мир как целое. Подобно тому, как спортивный тренер противостоит игрокам, а театральный режиссёр – актёрам, так и философия составляет единство противоположности со всеми остальными науками. Их цель – мир по частям, цель философии – мир в целом.

Второе. Каждая конкретная наука начинает процесс познания «своей» части мира со ступени непосредственного *чувственного восприятия* (созерцания) тех реальных предметов, которые её составляют. Исследуя данные предметы, она вырабатывает соответствующий круг понятий и определений, посредством которых делает данную область мира достоянием нашего мышления. Например, механика объясняет движение небесных тел посредством таких понятий, как *пространство, время, место, масса, центр тяжести, падение, ускорение* и т.д. Химия раскрывает качественные различия вещества планеты, используя понятия: *оксид, гидрат, соль, кислота, основание, щёлочь* и т.д. Если мы уберём эти понятия из своего мышления, то вместе с ними из него исчезнет и та область мира, которую они представляют.

В противоположность частным наукам философия начинает постигать мир не со ступени его непосредственного чувственного восприятия (созерцания), а сразу же со ступени его *мышления*. Она оставляет всё позитивное содержание частных наук (данные

наблюдений, экспериментов, расчётов и проч.) самим наукам и сосредоточивает своё внимание на их рациональной стороне – используемых ими понятиях и определениях. Философия противопоставляет себе все наполняющие мышление человека понятия и определения и далее работает непосредственно с ними.

Понятия и определения – это один и тот же материал нашего мышления. Понятия состоят из определений (не путать с дефинициями!). При этом каждое определение само может рассматриваться как понятие, состоящее из собственных определений, и наоборот, каждое понятие может выступать одним из определений понятия более высокого уровня. Например, если нас интересует понятие данного *университета*, то в этом случае все составляющие его факультеты, кафедры и студенты будут выступать в качестве его определений. Но если нас интересует вся *система образования*, существующая в городе, то здесь уже сам университет будет выступать одним из определений её понятия. Понятия и определения неотделимы друг от друга и по ходу наших размышлений переходят друг в друга.

Именно потому, что философия имеет своим предметом не чувственно воспринимаемый мир вещей, а лишь те понятия и определения, посредством которых мы этот мир мыслим, она является *умозрительной* наукой. Из сказанного следует очень важный для нас вывод: рабочим материалом философии является определённый **круг понятий**. Этот круг может быть более широким или более узким. Он может подразделяться на части, разделы, темы, «науки» и т.п. Сами понятия могут подаваться в нём как в «собранном», так и в «разобранном» виде. Суть дела от этого не меняется. Тем материалом, с которым работает философия, является определённый круг понятий, посредством которых мы осмысливаем мир и передаём друг другу информацию.

5. Задача философии, или что она должна делать, чтобы достичь своей цели

На основе вышеизложенного мы имеем следующие исходные данные для определения *задач* философии:

1. Цель философии – показывать мир как целое,
2. Достигать этой цели она должна, находясь на ступени мышления и посредством деятельности мышления,
3. Материалом для этого являются все те разрозненные понятия и определения, которые уже выработаны человечеством и эксплуатируются им.

Соответственно, *задача* философской мысли заключается в том, чтобы выстроить из этого разрозненного материала (понятий и определений) единую научную картину мира, показывающую его как целое. Ключевым при решении этой задачи является вопрос: **как?** Как произвести всеобъемлющую систематизацию понятий, с тем чтобы в итоге из них сложилась единая научная картина мира?

К поискам ответа на этот вопрос философы приступили в XVIII веке. Это время было выбрано ими не случайно. Именно тогда в эпоху Просвещения в европейском обществе сложились те условия, которые были необходимы для построения такой всеобщей системы понятий.

6. Интеллектуальная атмосфера эпохи Просвещения

В период Средневековья христианский догмат о сотворении мира единым Богом развернул мировоззрение людей на 180°. Мир стал восприниматься ими как единое целое, а все его части и единичные образования – принадлежащими его целостности и подчиненными ей. Если сознание древнего *языческого* человека ещё «плясало» от окружающих его единичных предметов, то сознание нового *монотеистического* человека уже стояло на точке зрения единства мира и исходило из неё как единственно данной.

Этот же догмат о сотворении мира единым Богом побуждал человека Нового

времени не только пассивно созерцать мир, но и активно познавать его. Логика проста: коль скоро мир создан по слову Божьему, то, следовательно, изучая его (мир), мы будем познавать замыслы Бога в их внешнем воплощении. Данная установка давала исследователям Нового времени моральное право на служение наукам.

Успешное развитие частных наук вело к тому, что в сознании человека того периода стало формироваться противоречие между сферой его образного *представления* и сферой его *мышления*. Утвердившаяся в представлении до уровня инстинкта монотеистическая картина мира, показывающая его как единое целое, требовала такого же отношения к нему и со стороны мышления. Но мышление, обретшее свою свободу в частных науках, продуцировало материал противоположного свойства. Оно наполняло себя разрозненными понятиями и определениями, которые объясняли мир лишь по частям и фрагментам. И чем больше развивались науки, чем богаче становился арсенал эксплуатируемых ими понятий, тем острее делалось это противоречие.

Преодолеть его можно было только за счёт внесения корректив в мышление человека. Для этого, в свою очередь, требовалось привести принцип формирования научного знания в согласие с принципом монотеистических религий. Если догмат о сотворении всего сущего Богом требует от человека мыслить мир как единый организм, то подобным же образом его должны были показывать и развивающиеся науки.

Для достижения этой цели существовал один путь: сведения всех уже выработанных и эксплуатируемых мышлением научных понятий в единую систему – всеобщую науку, которая должна была показывать мир как единое целое. Одним из первых идею создания такой науки высказал Р. Декарт. Исходя из признания всеобщей упорядоченности мира, он полагал, что и наука о нём должна иметь такой же всеобщий упорядоченный характер. Затем эту идею подхватил Г. Лейбниц, который всерьёз планировал написать фундаментальный труд о всеобщей науке (*scientia generalis*), но в итоге так и не написал его.

Саму возможность создания такой науки европейские рационалисты связывали с деятельностью человеческого разума. Слова «наука», «единство знаний» и «разум» воспринимались в то время если не как синонимы, то всё же очень близкими по смыслу. «Рационалистический постулат единства – вот, что владело умами эпохи... Понятие единства и понятие науки являлись полностью заменяемыми понятиями» [7, с.37], – пишет Э. Кассирер в своей «Философии Просвещения». И далее продолжает: «Функция объединения как таковая признаётся основной функцией разума» [7, с.38].

Не менее важным условием являлось также то, что в тот период (вторая половина XVIII в. – начало XIX в.) европейские науки находилась как раз на том уровне развития, когда данную работу уже не только пора было начинать делать, но ещё и можно было сделать. Мало знаний – плохо, много знаний – тоже плохо. При недостатке знаний их *ещё* нельзя привести в разумный порядок, при избытке – *уже* невозможно. В большинстве наук к тому времени уже сформировался аппарат основных, несущих их конструкцию понятий. При этом само строение этих наук ещё оставалось прозрачным и не было загромождено всем тем прикладным содержанием, которое пришло в них позднее. Именно тогда, при том уровне развития наук можно и нужно было начинать выстраивать всеобщую систему понятий. В более зрелом состоянии – а за последующие два столетия человечество взрослело не по дням, а по часам – проделать такую работу никому бы уже не удалось. В условиях развернувшегося в XIX веке лавинообразного роста знаний, она очень скоро стала превосходить возможности человеческого разума.

7. Этапы создания всеобщей системы понятий

Сама работа по созданию всеобщей системы понятий была осуществлена в три этапа. *На первом этапе* был реализован *алфавитный* принцип систематизации. Уже в XV-XVI вв. в различных ремёслах и искусствах стали создаваться наставления, которые

приобретали форму словарей. В самом конце XVII в. вышел «Исторический и критический словарь» П. Бейля, в котором статьи располагались в алфавитном порядке. Чуть позже в Англии появилась «Энциклопедия, или Всеобщий словарь ремесел и наук» Э. Чэмберса. По его примеру во Франции во второй половине XVIII в. под руководством Д. Дидро и Ж. Даламбера была создана «Энциклопедия, или Систематический словарь наук, искусств и ремесел». В предисловии к ней говорилось: «Цель Э. – объединить знания, рассеянные по поверхности земной, изложить их в общей системе для людей, с которыми мы живем, и передать их людям, которые придут за нами».

Алфавитный принцип позволяет собрать в одной книге неограниченное число понятий, что можно рассматривать как его достоинство. Однако предлагаемый им порядок их систематизации имеет чисто внешний, формальный характер и сам по себе никак не способствует появлению в головах людей единой научной картины мира.

На втором этапе ученик и последователь Лейбница Христиан Вольф предложил другой принцип всеобщей систематизации понятий – в порядке их внутренней связи, где каждое последующее понятие должно быть определено предыдущим и одно предполагать другое, аналогично частям человеческого тела. Если алфавитные энциклопедии представляли собой агрегат знаний, то Вольф намеревался выстроить свою систему подобно организму: «Системой поистине называется скопление, связанное между собой посредством собственных принципов» [Цит. по: 8, с.63].

Однако на деле ему удалось воплотить свои грандиозные планы лишь частично. Более или менее успешно он реализовал только **отраслевой** принцип распределения понятий (по отраслям знаний). С этой целью он выделил в своей системе и описал несколько десятков наук. Но в рамках каждой такой науки он действовал отнюдь не «строго доказательным дедуктивным методом», а его полной противоположностью – методом философской эклектики. Это значит, что очертания наук не имели у него чётких границ. Преемственная связь между ними отсутствовала. Понятия распределялись произвольно. Их содержание излагалось догматическим способом, допускающим любые разрывы и перескоки мысли. «Все его заявления относительно ясности и отчетливости в понятиях и принципах, обоснованности и строгой доказательности связи между ними, его претензии на создание целостной и универсальной системы философского знания, построенной на основании единого и точного метода, во многом оказались не более чем декларацией о намерениях, выполненной крайне искусственным и внешним образом, с многочисленными огрехами и нестыковками как логического, так и содержательного порядка» [11, с.18] – констатирует исследователь его наследия В.А. Жучков.

Тем не менее для первой половины XVIII в. разработанная Хр. Вольфом отраслевая система знаний являлась прогрессивным шагом, продиктованным необходимостью вытеснить из образования уже пережившую своё время схоластическую философию. Она получила широкое распространение, а созданные им учебные руководства по различным дисциплинам служили основой университетского образования вплоть до появления критических работ И. Канта. (За это вся образованная Европа выразила Хр. Вольфу свою благодарность. Правители ряда стран, включая нашего царя Петра I, зазывали его в свои академии.)

На третьем этапе был разработан принцип систематизации понятий в порядке **логической преемственности их смысла**. Сделали это представители немецкой классической философии: Кант, Фихте, Шеллинг и Гегель. Мы не будем рассматривать здесь персональные заслуги каждого из этой великой четвёрки. Скажем только, что отправной точкой стало критическое отношение всех четверых к вольфовской форме философии. Сам же принцип **логической преемственности понятий** был сформулирован Иоганном Готлибом Фихте, а реализован Вильгельмом Гегелем.

Для того чтобы выстроить такую систему, Гегелю потребовалось изучить и переосмыслить все науки своего времени. В результате ему пришлось проделать беспрецедентную по масштабам работу мысли, которая воплотилась в 17 томов его

произведений. В своём главном системообразующем произведении – трёхтомной «Энциклопедии философских наук», он разобрал все арсеналы мыслительных определений, которыми пользуется в своей работе человеческий разум, и выстроил их в порядке логической преемственности их смысла, где из одного определения выводится смысл другого, их него – третьего и т.д. Из «Энциклопедии...» вытекают и к ней сводятся все другие его произведения, в которых более подробным образом излагаются её отдельные разделы. Исключение составляет только его первая большая работа – «Феноменология духа». Она представляет собой начальный вариант построения его научной системы, от которого он впоследствии отказался.

В своей «Энциклопедии» Гегель разделил все используемые мышлением определения на три группы. Первую группу составили определения *чистого понятия*. Вторую – определения *природы*. Третью – определения *человечества*. Затем он систематизировал каждую группу определений по отдельности. В первом томе «Энциклопедии философских наук» – «Науке логики» – выстроил понятие *чистого понятия*. Во втором томе – «Философии природы» – понятие *природы*. В третьем томе – «Философии духа» – понятие *человечества*. В итоге он расставил все понятия по своим местам, благодаря чему каждое из них раскрылось во всем богатстве своего содержания.

Реализованный им подход позволил, с одной стороны, систематизировать понятия в единую *научную картину мира*, с другой – раскрыть строение самого человеческого *разума*. Тем самым Гегель решил главную задачу своего времени – привел мышление человека в согласие с его представлением.

8. Вольфовская (донаучная) форма философии

К сожалению, все произведения Гегеля оказались написаны невероятно трудным языком. Объясняется это тремя причинами. Во-первых, их новаторским содержанием, которое, как и всё новое вообще, не сразу находит свою оптимальную форму. Во-вторых, в то историческое время учёным приходилось писать свои труды обычным пером при свечах, поэтому многократно переписывать их в целях нахождения более удобных для читателя формулировок, было делом весьма обременительным и затратным по времени. В-третьих, о чём уже упоминалось выше, в годы жизни Гегеля ещё не обо всех вещах можно было говорить и писать открытым текстом. Многие из того, что он готов был поведать миру, являлось неприемлемым для того времени, в котором он жил. Поэтому он вынужден был излагать свои мысли нарочито сложным, малопонятным языком, который позволял улавливать их суть лишь частично и по разрозненным фрагментам. По этой же причине он почти нигде не использовал никаких примеров, а если и приводил их, то либо из далёкого прошлого, либо из далеко отстоящих областей.

Из-за такой сверх осторожности содержание произведений Гегеля оказалось законсервированным для понимания читателей почти на два столетия. Они переводились на разные языки и неоднократно переиздавались. Однако главные вопросы: *что* он сделал, *зачем*, с какой *целью*, не находили ответа.

В результате такого хронического недопонимания философская система Гегеля оказалась на положении terra incognita – неисследованного острова. О ней все знали. К ней все стремились. Тексты его произведений были доступны для всех. Однако их смысл оставался непонятным. В ответ на это уязвлённое самолюбие читателей воздало в адрес самого Гегеля массу злобных и уничижительных обвинений типа: «Шарлатан, выставивший глупцами всю Европу». Таковые исходили как от его современников (один Шопенгауэр чего стоил), так и от представителей последующих поколений, не исключая наше время. И по сегодняшний день находятся любители покрутить пальцем у виска, когда речь заходит о философии Гегеля. Более амбициозные умы, впрочем, предпринимали попытки на свой лад интерпретировать её отдельные положения, из-за чего его философия со временем обросла пеленой нелепых домыслов и ярлыков.

Но поскольку свято место пусто не бывает, постольку в условиях фактического бездействия гегелевской философии на первый план вышла её предтеча – вольфовская форма философии. Её утверждению во многом способствовало то обстоятельство, что с середины XIX века начался период идеологического служения философии, который продолжался почти до конца XX в. Рыхлая податливая плоть вольфовской системы служила удобным материалом для придания ей любой идеологической направленности. Благодаря идеологиям вольфовская философия не только успешно дожила до наших дней, но и сохранила господствующее положение.

В Советском Союзе, например, она существовала в виде курса «марксистско-ленинской философии», называемого иначе «диалектическим и историческим материализмом». Главной задачей этого курса было мировоззренческое (читай – идеологическое) обоснование происходящих в стране преобразований. Соответственно, этот курс имел в своей основе жёсткий идеологический каркас, состоящий из семи незыблемых тем:

1. Основной вопрос философии.
2. Законы диалектики.
3. Материалистическое понимание истории.
4. Общественно-экономическая формация.
5. Общественное сознание.
6. Классы и классовая борьба.
7. Социальная революция.

Главными были две последние темы. Все предыдущие работали на них.

(Первоначально перечень этих тем был дан в 4-й главе краткого очерка «Истории ВКП(б)», а затем изложен в специальной статье И.В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме», опубликованной на исходе 1938 г. В дальнейшем эта статья была возведена в ранг аксиомы и положена в основу учебного курса «Марксистско-ленинской философии».)

Наличие такого идеологического каркаса до времени скрывало все присущие вольфовской философии пороки. Но когда в начале 90-х годов из вузовского курса удалили его идеологическую составляющую, то все эти пороки выступили на первый план. Что бы как-то поправить дело в него добавили большой раздел по истории философии. При этом саму философию перестали называть «марксистско-ленинской» и «диалектико-материалистической». Она превратилась как бы в «просто философию». Однако при ближайшем рассмотрении оказалось, что эта «просто философия» базируется на позициях, заложенных ещё Хр. Вольфом:

а) разделение курса на неопределённое число размытых в своих границах наук: аксиологию, гносеологию, диалектику, онтологию, праксиологию, антропологию, философию общества, истории, культуры, логику,.. и т.д.;

б) свободная перестановка этих наук в пределах учебного курса;

в) произвольное распределение между ними понятий;

г) догматический способ изложения самих понятий, не требующий какой-либо доказательности и допускающий любые ухищрения мысли.

Внешне вольфовская форма философии создаёт эффект присутствия в ней строгой научности, однако внутренне она не содержит в себе никакой определённости. Как и Хр. Вольф в своё время, так и любой преподаватель наших дней, сам определяет для себя: сколько и каких «философских наук» должно быть в его учебном курсе, в какой последовательности они будут располагаться, какие именно понятия должны рассматриваться в каждой из них. Руководствуется он при этом отчасти традицией, отчасти интуицией, отчасти голым мнением. (Мнение – это то, что принадлежит *мне*).

Современная вольфовская философия претендует на то, что она выполняет *мировоззренческую* функцию. Но какое воззрение на мир она может сформировать, если сама состоит из многих несвязанных между собой частей и фрагментов? Равным образом

она претендует на то, что выполняет по отношению к другим наукам важную *методологическую* функцию. Но, опять-таки, о какой методологии может идти речь, если она сама излагает понятия догматическим бездоказательным способом, а ход её рассуждений полон разрывов и перескоков? Все её высокопарные заявления, о том, что она учит людей *правильно мыслить*, что она помогает им постигать *предельные основания бытия*, что она раскрывает *глубинные смыслы* повседневности, являются, как и в случае с самим Вольфом, не более чем «декларацией о намерениях», которую она выполняет столь же «искусственным и внешним образом».

За два последних десятилетия было издано несколько сот, так называемых, «авторских» учебников философии, но все они в своей основе оказались вольфовскими. Их содержание никак не способствует ни наведению порядка в головах студентов, ни формированию у них научной картины мира, ни, тем более, появлению чувства любви и благодарности к самой философии.

9. Гегелевская (научная) форма философии

Именно уход идеологии из философии привёл последнюю в состояние кризиса. Соответственно, что бы выйти из него философии необходимо обрести свою собственную подлинно научную форму. Для этого первым делом требуется ввести в строй гегелевскую форму философии. Сделать это можно только за счёт переложения всех произведений Гегеля на понятный для широкого круга читателей язык. Долгое время эта задача оставалась невыполнимой, но в последние годы и здесь наметился существенный прогресс. Появились работы, в которых в доступной форме излагается содержание «Энциклопедии философских наук» и некоторых других его произведений [См.: 9, 10].

Благодаря этим книгам стал понятен: во-первых, смысл разработанной Гегелем системы понятий, во-вторых, предыстория её появления, в-третьих, её значение для современного мира. Конечно, философия Гегеля нуждается сегодня не только в придании ей доступной формы, но и в существенном обновлении и доведении её до современного уровня развития наук. Всё это так. Но при этом важно понимать, что только она способна дать современной философии собственную научную форму. Альтернативы ей нет и не будет. В настоящее время, когда в крупнейших библиотеках мира насчитываются сотни миллионов единиц хранения, разработать «с нуля» какую-то новую систему понятий уже невозможно.

В силу своего основополагающего принципа – логической преемственности смысла понятий – гегелевская форма философии содержит в себе богатейший эвристический потенциал.

1. Она даёт первый набросок единой *научной картины мира*, написанной уже не посредством образов, а посредством логики понятий.

2. В рамках этой картины все частные науки получают своё строго определённое место, что позволяет каждой из них обрести свой внутренний *остов* – последовательно развивающийся ряд несущих её конструкцию понятий. Для частных наук в их нынешнем состоянии это далеко не лишнее приобретение. Достаточно полистать учебники, чтобы убедиться в том, что эти науки представляют собой сегодня довольно архаичные образования, состоящие в основном из разнообразных сведений прикладного характера. Но прикладные исследования и рациональный строй наук – это две разные вещи. Первые продиктованы потребностями практики, тогда как рациональный строй наук принадлежит единой научной картине мира и определяется ею.

3. Гегелевская форма философии раскрывает в чистом виде архитектуру человеческого ума, лежащую в его основе *матрицу* понятий. В этом значении она представляет собой новый образовательный предмет – *науку о разуме*, о той самой «гармошке в голове», которую необходимо иметь каждому человеку. В условиях нежданно обрушившегося на наши головы информационного коллапса, необходимость

появления такой науки является уже неотвратимой. – Все частные науки только загружают в сознание человека различные «объёмы» знаний. Но ни одна из них не нацелена на наведение порядка в нём самом.

4. Происходящий на наших глазах процесс интеграции человечества в единое мировое сообщество порождает потребность в появлении некой всеобщей духовной основы, способной объединять сознание всех людей планеты. Для каждого народа такой основой является его национальный *язык*. Для определённой группы народов – исповедуемая ими *религия*. А для всего человечества таким знаменателем является та данность, что все люди *разумны*. Поскольку именно гегелевская философия раскрывает понятие разума, постольку только она способна выступать в качестве такого всеобщего **духовного знаменателя**.

5. «Энциклопедия философских наук» Гегеля представляет собой первое и единственное произведение на планете, в котором описывается программа, по которой работает наш естественный человеческий разум. В этом смысле мы можем считать, что именно Гегель был первым программистом. Конечно, он не создавал компьютерных программ. Но он расписал **дерево понятий** нашего разума, или, если хотите, дерево действующих в нашем мышлении «гиперссылок». Уже только по этой причине к его наследию следовало бы отнестись сегодня с предельным вниманием и ответственностью. Прежде чем создавать искусственный разум (интеллект), необходимо выяснить, что он представляет собой в своём естественном состоянии. А это и позволяет сделать гегелевская система понятий.

Вот далеко не полный перечень того, что уже сегодня без всяких проволочек способна дать обществу философия Гегеля. С исторической точки зрения появление его «Энциклопедии философских наук» представляет собой закономерное возрастное событие в жизни всего человечества – переход мышления людей со ступени рассудка на ступень разума. А это значит, что никакой проблемы выбора между вольфовской и гегелевской формой философии не существует. Пришло время рассудку уступить место разуму.

Приняв разработанную Гегелем научную форму, философия обретёт статус полноценной науки. Она вернёт себе достоинство и уважение общества. Вновь станет важнейшим учебным предметом, необходимым для всех вузов и специальностей. Даст преподавателям чувство гордости за свою науку и искреннюю любовь к ней.

Заключение

Тот, кто призывает изъять философию из учебных программ, выступает, по сути дела, против природы самого человеческого разума. Но и тот, кто полагает, что и дальше можно продолжать пичкать студентов мякиной вольфовской философии, также действует вопреки законам развития мышления. Кризис современной философии, включая её вузовский формат, имеет под собой одну-единственную причину – её закостенелую приверженность давно пережившим своё время вольфовским принципам. Соответственно, и выход из него существует один: надо распрощаться с вольфовской системой и перейти к гегелевской. Это и будет означать обретение философией своей собственной научной формы.

Поклонение единичным, чувственно воспринимаемым предметам природы, которое процветало в первобытном обществе, было преодолено с появлением монотеистических религий. Догмат о сотворении мира единым Богом низвёл всё множество единичных вещей до уровня его (мира) несамостоятельных моментов. Тем самым религиозная картина мироздания изъяла практику поклонения отдельным предметам из сферы **представления** человека. Но оно осталось в сфере **мышления**. Традиционная нацеленность вольфовской рассудочной философии на выявление и исследование отдельных понятий и их ближайших связей – это тоже язычество, только

сохраняющееся не в сфере представления, а в сфере мышления.

До поры до времени такая ситуация была вполне естественной и допустимой. Но для начала XXI века она является уже явным анахронизмом. Современное состояние человечества настоятельно требует перехода мышления людей на ступень *разума*. Отстраивать новый, основанный на продуктах мысли мир, не познав при этом самого себя, не постигнув свой разум, равносильно попытке войти во взрослую жизнь, оставаясь, по существу, ребёнком с растрёпанным умишком. Не только каждому молодому человеку требуется по достижении определённого возраста начинать разбираться в мире и в самом себе, что достигается только посредством собственного ума и в его пространстве, но и всему человечеству тоже. Вот эта работа по введению всего человечества в ум была начата Вильгельмом Гегелем. Продолжить её – задача основанной им *науки философии*.

г. Самара. 04 июня 2010 г.
E-mail: trufanov_sn@mail.ru

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. // Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: В 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1975. 452 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия природы. // Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: В 3 т. Т. 2. М.: Мысль, 1975. 696 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Философия духа // Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1977. 472 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии: Кн. 3. Соч.: В 14 т. Т. XI. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. 528 с.
5. Гулыга А.В. Немецкая классическая философия. М.: Мысль, 1986. 416 с.
6. Кант И. Критика чистого разума. Соч.: В 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 780 с.
7. Кассирер Э. Философия Просвещения. М.: РОССПЭН. 2004. 400 с.
8. Крупнин Г.Н. Философия Хр. Вольфа в контексте теоретической проблематики Нового времени // Философский век. Альманах 3. Христиан Вольф и русское вольфианство. К 275-летию Академии наук. СПб., 1998. С. 47-72.
9. Труфанов С.Н. «Наука логики» Гегеля в доступном изложении. Самара: Изд-во Парус, 1999. 187 с.
10. Труфанов С.Н. Грамматика разума. Самара: Гегель-фонд, 2003. 624 с.
11. Христиан Вольф и философия в России. // Редактор-составитель В. А. Жучков. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2001. 398 с.